

Э. Ч. Л. ван дер Влит

Университет Гронингена

В данной статье я рассматриваю природу государственности в городах-государствах Древней Греции сквозь призму трех, на мой взгляд, фундаментальных, аспектов государственности: монополии на насилие, системы институтов и возможностей государства. Я не ставил целью глубоко анализировать проблему понятия государства, которое сложно точно определить для сравнительных исследований вследствие его амбивалентности, одновременной абстрактности и конкретности. Хотя в ответ на недавно выдвинутые заявления о безгосударственности греческого полиса я утверждаю, что греческие полисы по сути своей были государствами.

В данной работе мое внимание сконцентрировано на греческом полисе – во-первых, на классической афинской демократии и, во-вторых, на ранней эволюции полиса. В отношении Афин акцент сделан на управлении в них, в особенности управлении флотом и работами Лаврийских рудников, а также административных задачах Совета в целом. В отношении раннего полиса центральными пунктами являются формирование институтов, контроль над должностными лицами и законодательством. Следовательно, управление законодательством и место судебной системы в полисе является важными пунктами дискуссии о государственности полиса. Римская Республика рассматривается кратко в тех же аспектах.

Вследствие ключевой позиции понятия раннего государства и споров о трансформации вождества в государство в эволюционной антропологии заключительная часть данной статьи посвящена системному сравнению классического города-государства с ранним государством.

ВВЕДЕНИЕ. ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВА

Ответ на вопрос, можно ли называть определенное историческое общество или политическую систему государством, зависит от того, как мы определяем государство. В данной дискуссии можно выделить два противоположных подхода. Согласно первому, мы можем говорить о государствах только в ранней современной Европе, откуда государство распространилось по всему миру (см.: d'Entreves 1969, Van Creveld 1999,

ван дер Влит Э. Ч. Л. / Полис: проблема государственности, с. 387–412

Vincent 1987). Под вопросом также, являются ли Соединенные Штаты и современная Англия государствами в правильном понимании! (Hansen 2002: 18) Другой подход – антропологический. Он исходит из антропологического различия между безгосударственными обществами (такими, как племена, системы бигменов и вождества) и государственными обществами. Здесь дискуссия концентрируется, в частности, на различиях между вождеством и государством в плане типологии и стадий эволюции, определенных Сервисом и Фридом (Service 1975, Fried 1967, ср. Ёрл в: Johnson and Earle 1987; Lewellen 1983). В данном исследовании понятие «раннее государство» четко соответствует определению, данному Классеном (Claessen and Skalnik 1978). Впрочем, недавно Маркусом и Фейнманом (Marcus and Feinman 1998) было предложено гораздо более узкое определение государства. Независимо от дискуссии среди антропологов и археологов, существует множество определений государства. Уже в 1931 г. Чарльз Х. Титус насчитал 145 определений, и он отмечал, что «менее половины определений в общих чертах совпадают. Даже данное утверждение основано на допущении, что если два автора употребляют одни и те же слова, они подразумевают одно и то же; и я сомневаюсь, что данное утверждение полностью обосновано» (Titus 1931: 45). Последние слова – преувеличение. В том же ключе наблюдение Фрида: «Невозможно предложить унифицированное определение государства, которое удовлетворило бы хотя бы большую часть тех, кто серьезно занимается данной проблемой» (Fried 1968: 145). Со всем недавно Ван Кревельд заметил просто: «Определения государства очень различаются» (Van Creveld 1999: 1).

Причину отсутствия согласия в определении государства нужно искать в сущностной амбивалентности (двойственности) государства. С одной стороны, реальность институтов, посредством которых государство функционирует, неоспорима, но, с другой стороны, само по себе понятие исключительно абстрактно. Так, д'Антреве (d'Entreves 1969: 1) говорит о «мистической, но вездесущей сущности, о неопределенной силе, которой невозможно сопротивляться». Винсент (Vincent 1987: 3) утверждает: «Государство... – самый проблематичный концепт в политике. Проблема (его) в амбивалентности – оно реально и все же неуловимо» и «в чисто фактическом плане государства не существует». В то же время мы постоянно сталкиваемся с людьми, действующими от лица этой абстракции (d'Entreves 1969: 19), которые, что очень важно, властью этой абстракции могут вынудить и ограничить наши действия весьма конкретным способом в определенном направлении, в котором мы, возможно, и не желаем. Амбивалентность понятия государства, таким образом, проявляется в том исключительном факте, что, с одной стороны, государство представлено как наивысшая абстракция, а с другой, как действующий персонаж¹. Государство персонифицировано (Vincent 1987: 8).

Государство, по мнению Поджи, «отчасти формирует... модальность более широкого феномена – институционализации политической власти», которая является причиной «растущей деперсонализации властных отношений» и «увеличивающейся формализации» (Poggi 1990: 18, ср.: 33, ссылка на Popitz 1989: 69). Материализация государства предполагает нечто большее. Государство становится самоцелью и существует, чтобы гарантировать собственное продолжение (Krader 1968: 104–110, особенно с. 108). Таким образом, главным пунктом дискуссии становится, по мнению Истона (Easton 1971: 108), разграничение «общества» и «государства», «государства» и «правительства» и «общества» и «правительства». Основная дискуссия здесь вокруг вопроса, является ли различие между государством и обществом реальным, и если является, то значимо ли оно? Если государство идентифицируется с государством-нацией, это, я считаю, только затрудняет исследование. Когда «не определяются конкретные структуры ... государство, примыкая к обществу, растворяется в универсальности» (Fried 1968: 143; ср.: Vincent 1987: 24). С другой стороны, Винсент справедливо отмечает (Vincent 1987: 29–32 и в особенности с. 31): «Исторически, а также с антропологической точки зрения ясно, что и понятие, и практика управления существовали до государства. Управление может существовать и существует без государства»². Ван Кревельд различает безгосударственные общества, «племена с правителями (вождества)» и собственно Государства – «общества с правительством», которые существуют в огромном разнообразии, и в их числе «города-государства» классической античности, более-менее бюрократические империи прошлого, а также феодальные политии Средних веков (Van Creveld 1999). Основной характеристикой и главной слабостью этих систем является то, что они привязаны к личности. Другими словами, государство – это больше, чем просто правительство, и больше, чем органы управления³.

«Государство есть ...институт политического управления» (Krader 1968: 10, 106–107). Не следует полностью концентрироваться на том, что сущность государства есть присущие ему «Herrschaftsverhältniss», как утверждал Вебер (d'Entreves 1969: 11, ссылаясь на Friedrich 1963: 180, п. 1; см. также: Hansen 2002: 21). Английский эквивалент немецкого «Herrschaft» – это «власть». Власть, как точно отмечает Фридрих (Friedrich 1963: 180), «это институционализируемая политическая сила». Институционализация есть важный аспект формирования государства. Существование определенных институтов, которые постоянны и посредством которых может быть использована легитимная власть, доказывает, по моему мнению, наличие государства. Эти институты могут различаться по времени и месту, в зависимости от исторических условий. Такими институтами могут быть средневековые королевства, которые существовали, даже когда не было живого короля (Kantorowicz 1957), а также институт гражданства греческого полиса. Решающее зна-

чение имеют два аспекта – принуждение и легитимность. Кроме того, государство связано с территорией и соответственно с населением на данной территории. Здесь я придерживаюсь определения, данного Абелье (Abélès 1996: 529). Центральный пункт данного подхода – существование институционализированной, длительной и легитимной монополии на насилие. В целом, это определение корнями уходит в веберовское (Weber 1972: 521). Впрочем, проблема с концепцией легитимности – в нематериальности последней. Вебер говорит только о «Legitimitätsglaube». Легитимность проявляется в послушании и работе населения, а также в том, чего власть, очевидно, способна добиться. Важным моментом является то, что ни власть государства, ни легитимность не являются абсолютными (Fried 1968: 146; Jackman 1993: 40). Они всегда зависят от ситуации и обстоятельств.

Такие рассуждения позволяют нам сформулировать критерии, по которым мы можем судить, были ли города-государства и гражданские государства античной Греции «настоящими» государствами или нет⁴. Во-первых, там должны были существовать стабильные и постоянные политические институты. Эти институты должны образовывать четкую систему и быть формальными, безличными, так как Винсент утверждает (Vincent 1987: 21), что «государственная власть формально отделена от правителя и подданных». Институты должны согласовываться и объединять общество. Под согласованностью я подразумеваю, что «(их) решения формально согласованы друг с другом» (Tilly 1975, цит. в: Roggi 1990: 19). Таким образом, наличие стержневого центра для делегирования и согласования является необязательным. Система может также иметь иерархическую форму, хотя форма ничего не скажет о ее сущности. Политические системы с гетерархической формой организации также могут быть государствами (определение гетерархии дано Крамли [Crumley] 1995: 30). В такой гетерархической системе институты должны быть взаимозависимы и функционально дополнять друг друга. Для институтов нет необходимости быть централизованными в иерархическом порядке, чтобы подкреплять друг друга и функционировать как когерентная политическая система (см.: Friedrich 1970: 22). Ключевым моментом, по моему мнению, является веберовский принцип легитимности монополии на насилие, которую можно также обнаружить среди институтов или в их дополнительности. Данный подход, я думаю, даст нам лучшее понимание немецкого концепта «Staatlichkeit» (государственность). Сила государства в его целостности, а через послушание и одобрение своих институтов оно, в конечном счете, может быть легитимно закреплено.

Все это наводит меня на мысль об организационной роли государства (см. об этом понятии: Jackman 1993). Как я уже говорил, легитимность и степень легитимности появляются из возможностей рассматриваемого режима (Jackman 1993: 121)⁵. Они тесно связаны с размером государства, степенью его сложности и социальным форматом.

Самое главное, институты должны быть постоянными. «Действительно важнейшей чертой Государства, которая наиболее последовательно и достоверно прослеживается во всех государствах, является то, что это есть постоянная государственная власть» (Vincent 1987: 21). И институты, и их функции должны стать, как говорит Вебер, «ver-talltaglicht», или рутинизированными (общепринятыми) (Jackman 1993).

ПОЛИС И ПОЛИСЫ

Что определяет греческий полис как государство? Недавно Берент в ряде публикаций выразил сомнение в том, что полис был государством (Berent: 1996; 2000a; 2000б; 2004). Хансен довольно эмоционально ответил на это, сделав акцент как на деятельности полиса как института, так и на управлении правосудием и применении наказания властями полиса (Hansen 2002). Ранее он высказывался, что «греческий полис был самоуправляемой общиной, центрированной на городе: но был ли он государством в нашем понимании? И да, и нет» (Hansen 2002). Вопрос в том, как интерпретировать фразу «в нашем понимании». Как я указал выше, мы можем выбирать между широким антропологическим определением и более узким современным, гоббзианским концептом государства, исключающим ранние проявления государственности в Европе (в Средние века, например, и в Древней Греции), а также многие государства, определяемые антропологами в качестве таковых. Раннее государство, например, не является государством в этом узком ракурсе. Кроме того, необходимо рассмотреть наличие государственной власти и форму институтов, формирующих государство.

С другой стороны, дело усложняется тем, что между «большими», «средними» и «малыми» полисами существуют серьезные отличия, которые затрагивают уровень их государственности и даже ставят вопрос, можно ли их вообще называть государствами. Даже если нет сомнений, является ли определенная греческая община полисом, определяемым по наличию типичных институтов полиса, уровень государственности, развившийся в ней, может быть различным. Наиболее отчетливы различия в размере территории и численности населения (Glantz 1953: 32–34). Это могло повлиять на внутренние социальные отношения и структуры власти. См., например, классические Афины V в. до н. э. с империей, доминирующей почти над всеми островными полисами и полисами на побережье всего Эгейского моря. Эти полисы были зависимыми союзниками, а с другой стороны, они сохраняли в (очень) высокой степени внутреннюю автономию. Сравните классические Афины с современными им небольшими полисами на Крите, а средние полисы, начиная со Спарты с ее относительно большой территорией и зависимой Мессенией и ее населением, с такими городами-государствами, как Аргос, Коринф, Хиос, Митилена, Фивы и Мегара, которые, по-видимому, были внешне и внутренне слабыми. Но, несмотря на их небольшой социальный формат и очевидные непосредст-

венные связи в обществе, критские полисы, такие, как Дрерос и Элефтерна, отличались не только четко определенной территорией и независимостью, но особенно своими письменными законами, которые определяли и предписывали политические институты, что является очевидным признаком их государственности. Вопрос масштаба – это не только вопрос пространственного масштаба, но и временного. Таким образом, вопрос уровня государственности становится ключевым, когда мы обсуждаем развитие безгосударственного дополисного общества до уровня полиса-государства.

Главная проблема здесь, впрочем, в трудности определения легитимности и ее наличия. Как мы отмечали во многих дискуссиях по раннему государству, легитимность проявляется тем или иным способом. Рассуждая в том же ключе, мы можем, таким образом, сделать вывод, что наличие государства также проявляется в том, чего его политическая система очевидно способна добиться. Это будет моей отправной точкой в обсуждении сначала государственности классических Афин и затем раннего полиса. Далее я прокомментирую подход Берента и сделаю некоторые замечания о государственности Римской республики. Данную статью я закончу сравнением полиса и раннего государства.

КЛАССИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

На протяжении V века до н. э. власть Афин распространилась почти на все Эгейское море и побережье, за исключением Крита. Это доминирование было утеряно в IV в. до н. э. не в результате ослабления Афинского государства, но из-за появления соперников, таких, как Спарта и Фивы, усиления полисов, таких как Византий, Хиос и позже образовавшийся (путем синойкизма) Родос, и – не в последнюю очередь – подъема Македонского царства. Доминирование Афин было основано на обладании флотом из 200 военных кораблей с экипажем из 170 человек на каждом. Маневрирование на этих кораблях требовало профессиональной подготовки, гребцами были в основном граждане. Впрочем, Афины были не единственным полисом, обладающим флотом. У других полисов, таких, как Коринф, Хиос и Митилена, также был флот, хотя и с меньшим количеством (40–60) кораблей. Различие обусловлено огромным благосостоянием Афин. Это процветание приобреталось и поддерживалось афинскими властями – ежегодные «взносы», которые должны были выплачивать союзники Афин, превратились для них во второй половине V в. в регулярный налог. В Афинах выплаты принимались, регистрировались и оглашались Советом 500. К запаздывающим союзникам принимались меры (Meiggs and Lewis 1988: 46, 49). Кроме того, Афины посылали своих представителей (архонтов) в разные районы союза, чтобы держать их под контролем, впрочем, не вмешиваясь открыто во внутренние дела (Meiggs 1972: 205–254). Флот и архонты, впрочем, были не единственными афинскими орудиями господства. Флот, кроме того, также использовался, чтобы гарантировать обеспече-

ние зерном, которое требовалось Афинам, в основном через Босфорский пролив из южной части России и Крыма.

Постройка военных кораблей была обязанностью отдельных состоятельных афинских граждан, которые должны были регулярно выполнять эту задачу по очереди в течение года. Это регулировалось и строго контролировалось властями (Gabrielsen 1994). Афинский Совет инспектировал состояние постройки кораблей на верфях. Кроме того, одной из обязанностей Совета было строительство новых кораблей для поддержания мощи флота (Aristotle, *Ath. Pol.* 46,1). Составлялись списки, кто из «триерархов» несет ответственность за какой корабль, его состояние и ремонт. Однако, флот не был единственным инструментом поддержания и выражения могущества Афинского государства. Как и многие другие полисы, за известным исключением Спарты, город Афины был защищен оборонительными стенами. Но здесь также были разительные отличия в размерах. В начале V в. были построены так называемые Длинные Стены, соединяющие город с Пиреем, гаванью, на расстоянии около 6 км. Позднее коринфяне тоже построили подобные оборонительные сооружения. Во второй половине V в. символическим выражением могущества и богатства Афин было строительство монументального Парфенона на Акрополе, а на его пропилеи была воздвигнута огромная статуя богини Афины из золота и слоновой кости. В этой связи также необходимо отметить, что не деятельность как таковая была исключительной, но ее масштабы. Говоря о государственности полиса, важнее отметить организацию и управление. Источники информации по этому аспекту, к сожалению, почти все утеряны, но те, что остались, дают нам четкое представление о детально проработанном администрировании, об использованных материалах – и оставшихся – и о выплачиваемых вознаграждениях (например, Meiggs and Lewis 1988: 54, 59, 60). Власти должны были придавать огласке свои расходы и отчитываться за них.

Подобным же образом мы информированы о разработке Лаврийских серебряных рудников, одном из важнейших источников дохода Афинского государства. Разработка рудников была отдана в аренду индивидуальным предпринимателям, гражданам Афин, которые зарабатывали свои концессии с помощью рабов. Различные концессии были четко разграничены между собой и, по-видимому, должны были регулярно возобновляться. Из добытого серебра афинские власти чеканили монеты, и определенное количество доставалось концессионеру в качестве дохода. Регулирование деятельности подобного рода (как и косвенные налоги, эксплуатация общественной собственности, сооружение общественных зданий) посредством долгосрочной аренды было обычной практикой в классической древности, как во времени Греции и Рима, так и в поздние периоды, когда государственность была, вероятно, более развита. В Афинах были отданы на откуп также гостиницы в гаванях и торговые пошлины. Уровень налогов, пошлин

на экспорт и импорт, например, был фиксированный, а на рынках контроль системы весов и обмен иностранной валюты инспектировались и контролировались властями (Rhodes and Osborne 2003: 25).

Контроль был ключевым понятием для функционирования политической системы афинской демократии. Регулярно проводились голосования по доверию различным служащим и должностным лицам. Когда заканчивался срок пребывания в должности, обычно через год, они должны были представить отчет, чтобы народ мог их проконтролировать. В частности, в IV веке существовали специальные комитеты для проверки таких отчетов и особая процедура на случай жалоб и судебной ответственности (Aristotle, *Ath. Pol.* 48; а также повторяющиеся указания в надписях). Этот аппарат состоял не из бюрократии в чистом виде, к которой мы привыкли, но из комитетов граждан, которые в таком качестве были равны друг другу, выбирались и назначались посредством системы самовыдвижения, а затем выборов по жребию. Многочисленные механизмы контроля уравнивали непрофессионализм должностных лиц и в то же время были инструментом против злоупотребления властью. Сущность гражданства, по мнению Аристотеля, заключалась в том, чтобы занимать пост и таким образом иметь возможность как управлять, так и быть управляемым (*Pol.* 1275a: 22–33, 1277a: 25–28).

Невозможно представить, что весь этот аппарат управления мог функционировать без администрирования и архивов. У нас есть достаточно свидетельств их наличия. Общественные договоры, публичные торги, списки кораблей, списки граждан, различного рода инвентарные списки и т. д. Все свидетельства подобного рода управления зафиксированы в надписях. Большая часть их утеряна, включая все, что не было высечено на камне. Но мы знаем, что афинский Совет имел в своем распоряжении архивы, которые хранились в Метрооне – здании, прилегающем к зданию, где собирался и совещался Совет 500 (Francis 1990: 116–120). И Совет, и народное собрание имели секретарей, которые, помимо всего прочего, заботились о формулировке законов. Эти секретари были гражданами и избирались и назначались на свои посты посредством известных процедур самовыдвижения и выборов по жребию. Они менялись ежегодно. Мы не знаем, был ли у них и у других должностных лиц в распоряжении постоянный штат административных помощников, своего рода бюрократии, сколько человек туда входило, и кто составлял этот штат. Кажется очевидным в последнем случае думать об общественных рабах, но рабов обычно привозили из других областей и греческий не был их родным языком, и, возможно, они не рассматривались как подходящие для подобного рода задач. С другой стороны, мы находим бывших рабов среди банкиров. Впрочем, афиняне определенно имели полицейские силы из общественных рабов – со скифами-лучниками. В начале комедии Аристофана «Ахарняне» председатель народного собрания приказывает: «Лучники!», –

чтобы те удалили из народного собрания кое-кого, не имеющего права участвовать в заседании. Его приказ немедленно выполнили, как и должно быть в нормальном государстве (стих. 54–59).

В данной статье не место для детального обсуждения административного аппарата Афин. Гораздо важнее рассмотреть, как он развивался или, скорее, как мог бы развиваться в рамках постоянно действующих институтов. Институты были строительным материалом для создания полиса. Полис находил свое выражение через институты. Формирование полиса и создание его институтов были взаимодействующими процессами, двумя сторонами одной медали. Одновременно с формированием полиса внутри него происходило формирование государства. Создание институтов было инструментом упорядочивания политических и социальных отношений, и в то же время инструментом для установления и поддержания этого порядка посредством принуждения к послушанию. Очень часто, хотя и не всегда, они устанавливались в письменных законах. В одном анекдоте рассказывается, как сосланный спартанский царь объяснял персидскому царю, что есть только одна вещь, которую спартанец боится больше, чем подданные персидского царя боятся своего Господина и Хозяина, – это Закон (Herodotus VII: 104). Впрочем, мы должны быть осторожными и избегать интерпретировать греческий закон в современном значении, но смысл институтов в распоряжении легитимной власти, уходящих корнями в законы, очевидно присутствует.

Кроме того, мы не должны забывать, что институты афинского полиса – придерживаясь Афин, как самого известного примера – не ограничивались наличием общего народного собрания граждан мужского пола. Порядок и повестка дня народного собрания были подчинены установленным правилам. Совет 500, переизбираемый каждый год, готовил принятие решений, занимался управлением и устанавливал повестку дня собрания. Секретари Совета и народное собрание упоминались выше. Большая часть административных задач и ответственности были переданы, как бы мы их теперь назвали, подкомитетам Совета. Такая система со временем была тщательно проработана (см. детальное описание в «Афинской Политии» Аристотеля: 47–54). Но Совет и Народное собрание были не единственными органами управления. В V в. ежегодно избираемые 10 стратегов – военачальников – или, по крайней мере, один из них обладали большим влиянием и властью. Кроме них мы находим 9 «архонтов», или «правителей», с «секретарем» в качестве десятого члена, которые, начиная с 487 г. до н. э., выбирались по жребию, и чьей основной задачей была организация судебных процедур, но у которых также имелись индивидуальные специфические задачи, в том числе, и важные культовые. Ответственность различных должностных лиц устанавливалась законами. Важная роль здесь отводилась так называемым народным судам, чья деятельность также определялась законами (см.: Hansen 1991).

Влияние и размер Афин и, следовательно, сложность административного аппарата были исключительными, но это не означает, что сущность и виды власти также были уникальными. Подобного рода базисная политическая структура, включающая народное собрание, Совет и специальных должностных лиц, была в любом полисе, хотя каждый полис мог развивать свои собственные институциональные формы, которые часто были исторически предопределены (описание см. в: Rhodes and Lewis 1997). Спарта, оказавшаяся гораздо примитивнее со своим архаичным двоецарствием и специфической социальной организацией граждан, была в не меньшей степени, чем Афины, способна, как только появлялись необходимые финансовые средства, иметь сильный флот из триер, чтобы доминировать в большей части греческого мира, собирать «дань» с союзников в форме «взносов» и контролировать их внутренние политические отношения посредством своих правителей. Очевидно, аппарат спартанского государства был готов выполнять эти задачи, когда подвернется случай. Ранее спартанцы уже управляли огромной территорией Мессении и ее покоренным населением. Главная сила спартанского государства, по крайней мере, с начала V в., была сосредоточена в руках ежегодно назначаемых 5 эфоров помимо Совета старейшин и народного собрания (Link 1994, особенно 64–71 о структурной силе эфората). Также более мелкие полисы, такие, как Фивы, Коринф, Аргос, Митилена, Хиос, Халкида, Гортина, Кносс и др., внутренне функционировали как государства подобным же образом (см. также важное собрание исследований: Brock and Hodkinson 2000). Наконец, греческие полисы на практике взаимно признавали свою автономию, как европейские государства делали в соответствии с Вестфальским миром.

РАННИЙ ПОЛИС

На острове Крит мы наблюдаем два явления, характерных для греческого полиса. На Крите было много маленьких и автономных полисов, особенностью которых было наличие значительного числа образцов публичной письменной законодательной деятельности, многие из которых сохранились, поскольку были выбиты на камнях. Последний феномен так часто отмечается на острове, что его можно рассматривать как типично критский. На Крите, точнее в Дреросе, мы также имеем первое свидетельство в виде надписи с законом, регулирующим конституционный порядок полиса (Meiggs and Lewis 1988: 2, ср. Ehrenberg 1965). Закон ясно ограничивает длительность срока полномочий на высшем посту (*косма*) до одного года и запрещает повторное избрание, по крайней мере, в течение 10 лет. *Косм* был уполномочен налагать и собирать штрафы. Это становится очевидным из наказания, которое полагается в случае, если он не оставит свой пост по истечении года. Закон закрепляется клятвой, принесенной «Двадцатью Полиса». Был ли этот закон эффективным (Hoebel 1954: 26) и использо-

валось ли при необходимости принуждение для подчинения ему? Пока у нас нет дополнительной информации, однако нет и указаний, что он был принят без особых для этого причин.

В Афинах, которые были гораздо больше, чем Дрерос, в VI в. конституция не могла соблюдаться вопреки амбициям отдельных состоятельных аристократов. Число выдающихся людей было невелико, но их личное богатство и влияние были гораздо больше, чем, возможно, могло быть в небольшом полисе и, следовательно, демос, народ, не имел возможности их контролировать. В Афинах внутренние и, в частности, социальные конфликты были предпосылкой и причиной появления Законов Солона. Помимо таких мер, как освобождение проданных в рабство за долги, «возвращение» тех, кто был продан за пределы Аттики или сбежал, Солон также «писал законы» (*thesmous egrapsa*), см. 36W, 18–20). То, чего он достиг, он достиг, связав вместе «право и силу» (fr 36W 15–17). Для того чтобы иметь право выполнять эту задачу, он был избран архонтом («правителем») и наделен неограниченными полномочиями на необходимый период времени. Это была не то чтобы совсем необычная процедура для Древней Греции, как мы знаем, Аристотель называет подобное пребывание в должности (в основном эсимнетов), тиранией (монархией) по общественному выбору (Aristotle, *Ath. Pol.* 5,21; Aristotle, *Pol.* 1285a29–b1, 1295a7–17). Впрочем, законодательство Солона не сразу установило стабильную конституцию, или государство. Когда Солон завершил задуманное, то отошел от общественной жизни. Вскоре один из его последователей на посту архонта, Дамасий, отказался покинуть свой пост по истечении срока пребывания на нем. Через два года народ вынудил его оставить пост. Постепенно, согласно традиции, пребывание на посту архонта стало подчиняться более строгому регулированию в отношении тех, кто занимал этот пост, но это не решило проблему (Aristotle, *Ath. Pol.* 13, 2). Соперничество между тремя богатыми людьми за первенство в Афинах привело после многих лет борьбы и меняющихся коалиций к установлению силой тирании единовластия без законных на то оснований одного из них – Писистрата. Очевидно, его правление было личным и без соблюдения формальностей, в то время как под его контролем, а также под контролем его сыновей и преемников постоянные должности продолжали функционировать (Thucydides VI, liv 5–6 Meggs and Lewis 1988: 6). Это, несомненно, давало должностным лицам законную власть, которая сохранилась и после того, как тираны были смещены. И мы можем сделать вывод, что фактически тирания Писистрата создала власть государства и его институтов и, таким образом, заложила основу для развития в V в.

В Спарте не было письменных законов. Спартанская «конституция», то есть правила, которые формировали спартанский полис и которыми предписывалось, как он должен был функционировать, передавались и сохранялись устно. Но слова тоже имеют власть –

возможно, даже более эффективную и длительную, чем сила. Слова могли мобилизовать людей к действию, если люди были готовы мобилизоваться, то есть в случае с формированием государства если для этого есть конструктивные условия. Устная традиция, скорее всего, сохранялась и передавалась в форме поэзии. Так, спартанская «конституция» передавалась и, помимо прочего, через слова спартанского поэта Тиртея, который, должно быть, жил во время или немного позднее ее установления (Tyrtaeos fr. 4W; Plut., *Лыс.* 6; Meier 1998). Солон также убеждал афинян посредством своих стихотворений. Это весьма важно, поскольку поэты в Древней Греции имели исключительную харизматическую власть. Также повсюду в Греции люди, имевшие большое политическое влияние и игравшие важную роль в политических конфликтах, которые привели к институционализации полиса, были поэтами, например, Алкей с Лесбоса. Рассматривая Спарту, необходимо также отметить, что формирование спартанского государства шло вместе с завоеванием и подчинением соседней страны Мессении, где, как я думаю, процесс формирования полиса и государства начался слишком поздно, чтобы мессенцы могли оказать эффективное сопротивление спартанской экспансии. Решающим фактором в окончательном завоевании Мессении, по-видимому, стало применение спартанцами своего нового оружия – гоплитских фаланг. Позднее я кратко остановлюсь на этом аспекте.

Об архаичных законах (VII в. до н. э.), затрагивавших различные вопросы, мы узнаем из надписей из Тиринфа, небольшого полиса на Пелопоннесе. Текст сохранился довольно фрагментарно, и мы остаемся в неведении относительно точной сущности упомянутых в нем должностей, но сейчас понятно, что здесь имеет место регулирование полисом культовых вопросов, что было важным для функционирования полиса как политического института. Сюда в основном входило наложение штрафов на должностных лиц, пренебрегающих своими обязанностями. Окончательное решение было за обществом и институтами полиса (Osborne 1997: 75). Имеющееся свидетельство относительно раннегреческого законодательства показывает, что в разных полисах дело регулировалось различными способами в зависимости от местных условий и имеющихся конфликтов (Holkeskamp 1992b 1999; van der Vliet 2003; и сборник законов в надписях Koerner 1993, van Effenterre and Ruze 1994–1995). С другой стороны, и это важно, очевидно, что эти законы устанавливали образ действия, определяли и ограничивали компетенцию должностных лиц, короче говоря, происходил процесс институционализации (Huntington 1968: 8–12), когда полис формировал государство внутри и посредством самого себя. Это было не легкое или само собой разумеющееся развитие; оно было преднамеренным и должно было преодолевать противодействие. Часто оно сопровождалось конфликтами, как в Митилене, где Алкей со своими друзьями-аристократами противостоял – и не безуспешно – избранию

эсимнетом не менее аристократичного Питтака, или как в Мегаре, где, как оказалось, целая социально-политическая конструкция однажды временно разрушилась (Plut., Mor. IV, Quaest. Graec. 295C-D; 304E-F)

КОММЕНТАРИИ К ВЫСКАЗЫВАНИЯМ БЕРЕНТА

В мои намерения не входит детально отвечать здесь на аргументы Берента (это уже убедительно сделал Хансен в 2002 г.), я лишь ограничусь основными пунктами его подхода. Из первой части настоящей статьи ясно, что я не поддерживаю его в использовании ограниченного, гоббсовского определения государства при изучении греческого полиса. Но, по крайней мере, еще важнее его избирательное использование источников. Главным его основанием при рассмотрении государственности полиса является анализ Аристотеля. Таким образом, впрочем, он не замечает специфические намерения Аристотеля при описании полиса. В целом, Аристотеля в меньшей степени интересует общность внутренних властных отношений (хотя он подчеркивает необходимость их стабильности), чем этика как моральная основа человеческого общества. И лишь затем появляется вопрос, как этого достичь через практическую политическую деятельность. Это приводит к определенному акценту в исследовании Аристотеля, когда подчеркивается сущность полиса как сообщества граждан и важность согласия вместо использования принуждения. Берент пренебрегает эпиграфическими источниками, которые позволяют нам заглянуть на внутреннюю сторону функционирования полиса как политического целого и, по моему мнению, государства, показывая, какой аппарат управления они фактически имели. Этот материал источников, в частности, показывает, на что был способен полис как политический организм, чего он мог достичь. И данные аспекты, по моему мнению, должны быть ключевыми при ответе на вопрос, был ли полис государством или безгосударственным обществом.

Греки имели и использовали понятие *архэ*. Это означает власть, и, в первую очередь, власть над другими, но также и власть внутри полиса. Официальным самым высоким постом в Афинах был без преувеличения архонт, «правитель». Это может не быть решающим доказательством наличия государства, но очень близко подходит к этому. Кроме того, он существует не сам по себе. Впрочем, в аргументации Берента есть два элемента, которые требуют более детального ответа. Первый касается того, как полис вмешивался или не вмешивался в юридические процедуры и, в частности, в исполнение приговоров. Второй – это общество граждан как общество воинов.

В плане содержания и исполнения законов мы лучше и больше всего информированы о практике в Афинах, и таким образом, я возьму афинский случай в качестве отправной точки. Примечательно, что, по видимому, власть не вмешивалась в исполнение судебных приговоров и оставляла это за победившей стороной. Кроме того, не было системы

общественного обвинения, и обвинение было инициативой отдельных граждан. В этом отношении, впрочем, практически нет большой разницы между классическими городами-государствами и ранним современным государством! Но это не умаляет того факта, что в полисе были детально определены юридические институты и процедуры, которые использовались и, таким образом, через практику формировались далее (Hunter 1994: 185–189; Hall 1996). Кроме того, Берент исходит из современного или скорее модернистского взгляда на то, что есть закон и как следует управлять правосудием. Для греков обращение в суд было в большей степени способом затянуть конфликт между сторонами, чем способом разрешить его. Таким образом, поиск справедливости был серией связанных конфликтов. Совсем другое дело, когда происходило осквернение общества убийством со злым умыслом или непредумышленно, тогда полис имел санкции действовать. С обычными преступниками, если их ловили в процессе совершения преступления, имели дело и без промедления наказывали ответственные власти. Но «гражданские» процессы были *agoon*, «игрой». Тодд убедительно показал эту общественную сторону, «сферу» афинского закона (Todd 1993). У того, кто хотел обвинить кого-то, в распоряжении был выбор орудий правосудия, и он скорее выбирал тактику в дополнение к цели. В таком контексте, само собой разумеется, что исполнение приговора оставлялось выигравшей стороне. Но юридические процедуры были установлены законом, магистрат решал вопрос о законности оснований обвинения, а суды были институтами государства. Обвинение было оставлено отдельным гражданам (*ho boulomenos*) также в случае, если были затронуты общие интересы полиса. Власти как таковые не выдвигали обвинений. Но рассматривать это как свидетельство отсутствия государства – значит отрицать сущность греческого гражданства и специфический характер полиса как города-государства. Индивид действовал как гражданин, то есть он представлял общие интересы (Rubinstein 1998). Не специальный государственный орган, но отдельные граждане в совокупности были ответственны за поддержание законов. Из этого не следует, что такая система была менее эффективной – возможно, даже наоборот.

Наконец, проблема общества граждан как общества воинов. Нельзя отрицать, что быть воином, тяжело вооруженным гоплитом, и быть членом общества считалось важнейшим, если не основным элементом гражданства (Raaflaub 1997). Но способ формирования гражданской армии гоплитов значительно отличается своего рода самоорганизацией по сравнению со способом и обстоятельствами, при которых собирались военные отряды в племенных группах или сегментарных линиях (греческая система родства состояла не из объединенных линий, но из патрилинейных ядерных групп). Гоплитские фаланги были, в первую очередь, отражением и выражением порядка, то есть организованной дисциплины. Эта дисциплина появлялась не автома-

тически из внутреннего содержания, но она навязывалась извне, или сверху. Мы склонны забывать об этом, когда читаем описание Ксенофонтom легкости формирования такой боевой линии из 10 тыс. воинов (Anabasis I, vii, 15–18), не осознавая, что вместе с Ксенофонтом мы очутились в конце давно существовавшей традиции и в компании хорошо обученных и опытных наемников, профессиональных солдат.

Сущность битвы между греческими армиями гоплитов в том, что они происходили между массивными, тяжело вооруженными – с щитами, копьями и в доспехах – формированиями. Боевой строй был тесно сомкнут, и согласованность линии фронта имела решающее значение. Они сходились, атакуя в беге. Та линия, которая нарушалась, проигрывала. Вот такой был способ борьбы, требовавший, в первую очередь, дисциплины, а дисциплина предполагает принуждение. До этого, в архаичный период, военные отряды, вероятно, состояли из немногочисленных тяжело вооруженных элитных воинов, которые могли прикрывать друг друга щитами (Singor 1988: 300–302). Гоплитские фаланги появляются с полисом. Помимо круглого щита, который служил для защиты воина слева, обеспечивая ее со стороны воина справа, особым наступательным оружием гоплитов были длинные копья, которые использовались людьми против людей – щит против щита, шлем против шлема, как говорилось у Тиртея (фр. 11W, 29–34). В настоящей статье нет возможности для обсуждения, где, когда и почему появились гоплитские фаланги, но мне импонирует предположение Осборна, который говорит, что это дало возможность вооружать большое число граждан-воинов, потому что защита, даваемая коллективом, делала менее необходимым каждому отдельному воину иметь дорогое вооружение (Osborne 1996: 175–176). В любом случае, это создавало армии, внушавшие ужас. Их появление можно было сравнивать с созданием так же внушающих страх и разрушительных армий зулусского короля Чаки в XIX в., которые также основывались на замене метательного копья на короткое разящее копье для боя на ближней дистанции и в боевом порядке (Otterbein 1967). Эффект был ошеломляющий, и эти армии сметали все на своем пути. Эти изменения в военной сфере были тесно связаны с одновременно протекавшим процессом формирования государства. В Древней Греции единственной эффективной защитой против фаланги гоплитов была, по-видимому, фаланга гоплитов, а без власти государства они не могли быть сформированы.

СТАСИС

Одной из наиболее специфических черт греческого полиса был *стасис* – явление, которое, по-видимому, было настолько свойственно полису, что даже кажется, что греки рассматривали его как институт полиса (van Effenterre 1985: 25, 266; см. в общем Gehrke 1985). *Стасис* – это конфликт между двумя частями полиса, разделенного, как правило, на

простых граждан (демос), с одной стороны, и элиту (почти то же, что и богатые) – с противоположной стороны. *Стасис* мог обостриться до такой степени, что выливался в открытую гражданскую войну, в которой победившая партия могла сослать противников (но они еще могли вернуться!), если все не заканчивалось резней. Последняя, экстремальная, форма известна из Пелопонесской войны в конце V в., когда впервые это случилось в Керкирах (Тисид, III, lxx-lxxxiv). В первые десятилетия IV века *стасис* был свойствен полисам на северо-востоке Пелопоннеса. Может показаться естественным интерпретировать *стасис* как своего рода расщепление политической системы и, таким образом, подтверждение отсутствия государства. Но это не так. *Стасис* был, безусловно и несомненно, борьбой за обладание властью в полисе. Это предполагает наличие государства. Олигархическая конституция имеет иные институциональные формы, чем демократическая, но в обеих конституциях полис остается одинаковым (ср. дискуссию по данной проблеме у Аристотеля, Pol. 1275b34-76b15, где трудности его подхода очевидны). Проблема конфликта между олигархами и демократами была в том, кто из граждан получит право управлять гражданами, короче говоря, борьба за власть в государстве. Наличие *стасиса* в подобной классической форме следует отличать от борьбы между группировками аристократов и их сторонников в древние периоды, что было частью процесса формирования полиса, – напротив, есть четкое указание, что рассматриваемый полис стал государством.

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Если греческие полисы были государствами, то и Римская республика, конечно, была государством. Размеры города Рима в конце царского периода (± 500 г. до н. э.), протяженность римской территории и экспансия Рима до тех пор, пока территория, где римляне прямо или косвенно доминировали, не стала включать всю Италию южнее равнины реки По, их правление и эксплуатация провинций за пределами Италии, начиная с 241 г. до н. э., сложность римского общества, его многоуровневая стратификация (формально на всадников и пять имущих классов, граждан и не-граждан, свободных и рабов) – все это указывает на то, что Рим был государством с самого начала Республики (см. последние авторитетные исследования раннего Рима Cornell 1995; Drummond 1989a, 1989b). Но это не самый важный аргумент. У римлян существовало понятие «государство», абстрактно выраженное в *Res publica*, *дело народа*, народа как коллектива, состоящего из отдельных *cives*, граждан, и отличающееся от концепта *Res privata*, «частные дела» (Meuser 1961: 251). У Римского государства не было письменной конституции – в отличие, вероятно, от большинства греческих полисов, но оно было строго привязано к традициями (*mos maiorum*), как будто последние были писаными законами. Традиции регулировали как магистраты, так и сенат, а с течением времени они были опре-

делены и дополнены настоящим и записанным законодательством. Таким образом, и способ назначения магистратов (посредством выборов народом), и законодательство регулировались и ограничивались. Эволюция Римского государства в первые века Республики характеризуется, с одной стороны, постепенной дифференциацией и увеличением числа магистратов, а с другой стороны, увеличивающимся законодательством, которое ограничивало их полномочия.

Высший магистрат, консул, имел неограниченную власть управления, империй (*imperium*), но только «*militae*», то есть командир граждан как воинов, и только за пределами помериума – священной границы, которая отделяла город от остального мира. Кроме того, все действия консула могли быть аннулированы равным ему консулом (*collega*). Внутри помериума (*domi*) действия консула были подчинены потестас (*potestas*), и в них мог вмешаться (и таким образом отменить) народный трибун. И империй магистрата, и потестас народного трибуна предполагали легитимную монополию на использование силы со стороны государства. Они обладали правом *coercitio* (применения силы), «правом и обязанностью устанавливать общественный порядок» (Lintott 1999: 97). Власть Римского магистрата была символически выражена в его регалиях: отороченной тоге, кресле (*sella curulis*) и в особенности ликторами, которые сопровождали его, неся его таблички, жезлы и секиры, обозначавшие его власть отдавать приказания, наказывать и приводить в исполнение приказы (Lintott 1999: 96). Народный трибун не имел подобных знаков и инструментов власти (которая была иного рода, чем империй магистрата), но это не означало, что у него было меньше фактической власти. Их неприкосновенность (*sacrosanctus*) защищала их от любого действия магистрата. По сравнению с положением должностных лиц в греческом полисе в Риме поражает открытая неприкосновенность и священная легитимность политической власти. Это подразумевает, что все действия должны были соответствовать и ограничиваться строгими ритуальными правилами. Кроме того, истоки римского закона необходимо искать в сфере, разделяющей *sacra* (священное) и *publica* (общественное) (Thomas 2002: 1440–1447). В историографической традиции по внутренней истории первых веков Римской республики доминирует повествование о «борьбе социальных групп», когда плебс (то есть граждане-непатриции), шаг за шагом требовал исключительных прерогатив – политических, юридических и ритуальных, – как у патрициев. Патриции, вероятно, своего рода аристократия по рождению (Cornell 1995: 249–258; Drummond 1989a: 167–171), сталкиваясь с римским плебсом, конечно, старались стать эндогамной группой, подтверждали их особые прерогативы своей сакральностью, без которой магистраты и священные функции не могли осуществляться (Livy VI, xli, 4–11; ср. Stewart 1998). Мы встречаемся с подобной стратификацией элиты и простых людей также в (сложных) вождествах и ранних государствах.

Очевидно, впрочем, что продуманная и могущественная политическая система раннего Рима была больше, чем таковая в вожестве.

Самостоятельность отдельных аристократов, даже если они не были магистратами, действовать и вмешиваться по своей собственной инициативе и полномочиям от имени общественного интереса могли бы быть аргументом против характеристики Римской республики как государства. Так, «клан» Клавдия (род Клавдия), который в период ранней республики целиком (патроны и клиенты, всего 5000 человек) обосновался среди римлян и стал их частью, оказывается, долгое время имел своего рода «особое положение» (*status aparte*) (Liv. II, 16, особ. 4–6; Dion. Halic., *Rom. Antiq.* V, 40, 2–5). Наиболее ярким примером в истории ранней республики является «личная война», которую вел род Фабия, все его члены и клиенты, от лица римлян против этрусского города Вейи, в которой все они, кроме одного, погибли (Livy II, 48,8–50,11). Даже в конце истории Римской республики сенатор (и экс-консул) Сципиус Насика по своей собственной инициативе вмешался в события, чтобы прекратить беспорядки и споры, окружавшие переизбрание Тиберия Гракха народным трибуном (Plut., *Ti. Gracch.* xix, 2–4; App., *V. Civ.* I, ii, 16). Еще позднее император Август также хвастался, что, будучи молодым, он вмешался в дела государства как «частное лицо» (*privatus*), собрав собственную армию (*Res Gestae* I, 1). Можно привести еще подобные примеры. Римский гражданин, в особенности гражданин Рима высокого ранга, действительно имел право насильственного вмешательства, если он считал это необходимым в интересах Римского государства. Но можно ли использовать это как аргумент против государственности или наличия государства в Римской республике? Это другой вопрос. Одним из основных понятий как римского общества и римской политики, так и применения власти и силы является «фидес» (*fides*). Фидес – это гораздо больше, чем предполагает английский перевод «честность». Каждый римский магистрат действовал «*ut ei e re publica fideque sua videtur*»: «wie es ihm den Staatsinteresse und seine eine Achtung zu entsprechen scheine» (в государственных интересах, как в своих собственных) (Meyer 1961: 257). Основой «фидес» является взаимное доверие. Оно может выражать отношения граждан между собой и, таким образом, быть обоюдным, но чаще характеризует отношение неравноправия и зависимости. «*Se in fidem populi Romani dedere*» – так говорится о тех, кто сдается римлянам без всяких условий. Это предполагает серьезные обязанности со стороны зависимых. В случае магистрата его «фидес» определяет его положение по отношению к *Res publica* и ее гражданам, которое, таким образом, является обязывающим. Вытекающая из «фидес» обязанность предлагать защиту и помощь тем, кто находится в подчинении, не является необременительной для занимающих более высокое положение. Без этого невозможно правильно понять римскую политику. Исполнение обязанностей в интересах «фидес», таким образом, не имеет ничего общего с наличием или отсутствием государства.

С другой стороны, вмешательство частных лиц (*privatus*) в общественные интересы законно, только когда оно санкционировано, иногда задним числом, властью сената. Без такой санкции частное лицо могло объявить врагом общества. 300 сенаторов назначались на основе рождения и должности. Однако здесь нет возможности детально описывать, как избирались и назначались сенаторы, и как эта процедура со временем изменилась. Основной принцип в том, что каждый, кто имел магистратуру, автоматически получал право быть сенатором. Обозначение сенаторов вместе взятых как «*patres conscripti*», по видимому, означает, что изначально основная их часть, или даже они все, были сенаторами по праву наследования, как патроны (отцы) патрицианских родов (Liv. II, 1,11; Festus 3044L; Cornell 1995: 247; Drummond 1989b: 181). Выражение, известное в поздней республике, что в отсутствие консула в государстве – когда оба умерли, например, – «управление возвращается к патронам» (Cic., ad Brut. I, 5–4), может означать, что власть над государством тогда в конечном счете принадлежала сенаторам. Однако неясно, является ли такая интерпретация правильной. В конституции Римской республики, какой мы ее знаем, сенат не имел власти, а лишь *avtocritas* (авторитет, влияние). Авторитет сената много значил и обычно был решающим. Он распространялся на всю общественную сферу. В конечном счете именно сенат решал, какие особые задачи (*provincia*) будут у каждого магистрата, обладающего империем, в год его пребывания на должности. Среди исключительных прерогатив сената было вести дела с иностранными властями и контролировать государственные финансы. Сенат мог спорить, но представлял свое мнение как единогласное. Предполагалось, что мнение сената выражало интересы государства. Это объясняет, почему римскому аристократу разрешалось действовать как «частному лицу (*privatus*)» от имени государства, если имелась санкция сената, выданная иногда позднее.

Римские магистраты имели в своем распоряжении аппарат «пре-торов» (Mommsen 1887: 320–371, особ. 332–355; Meyer 1961: 144). Они были слугами государства и оплачивались из казны. Этот административный аппарат есть начало административного бюрократического аппарата, который со временем увеличился. К сожалению, наши источники не интересовались деятельностью и развитием такого низкословного института, и, таким образом, мы остаемся в неведении о многих связанных с ним вещах. Но это не означает, что в политической системе Римской республики отсутствовало то, что мы могли бы назвать своего рода бюрократией. Как в случае классической Греции, односторонность и неадекватность наших источников в этом отношении есть большое препятствие для наших знаний о развитии государства. Мы знаем, что существовал чиновничий корпус, но как он был организован и работал, как набирались люди на должности и как обучались – все это ускользает от нас. Однако аргумент *e silentio* не может

быть аргументом против государственности классических политических систем. Рим эпохи республики был государством гражданской общины (citizens-state), хотя эта его сущность менее выражена по сравнению с греческими полисами вследствие размеров и гораздо большей иерархии римского общества. В Риме государство было гораздо более ясно выражено, и власть государства более отчетлива, чем в греческих полисах.

RES PUBLICA, ПОЛИС И РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО

Некоторое время назад я утверждал, что римскую политическую систему эпохи Регулов можно квалифицировать как раннее государство, в соответствии с определением Классена и Скальника (van der Vliet 1990). С этой точки зрения конец царского периода предполагает упадок этого раннего государства и временное исчезновение государства из римского общества. Мы, бесспорно, очень мало знаем о римском царском периоде, и сейчас я буду говорить, скорее, о временном вакууме власти, чем о крушении государства. Я также не совсем уверен, является ли определение Рима в период правления последних трех царей как раннего государства абсолютно убедительным, но все же я думаю, что римская политическая система того периода наиболее близко подходит этому концепту, в той же степени, что и тирании в греческих полисах. В целом, греческий полис дальше от раннего государства, чем Римская республика, где иерархичность и централизация политической системы выражены более отчетливо.

Различия политической системы греческого полиса и раннего государства системны. Здесь мы имеем дело с противоположностями или альтернативами политической эволюции и формирования государства. Раннее государство (Claessen 1978) централизованно и иерархично, даже если правит монарх, а политическая система полиса имеет горизонтальную структуру. Его центр не над, но среди граждан. Трехуровневая иерархия поселений, которую можно считать типичной для раннего государства, не характерна для мира полиса, где иерархии поселений по большей части двухуровневые. Рамки политической системы раннего государства и, в частности, зачаточного раннего государства формируются из цепочки общих родственных отношений, основанных на линиджах или даже рэмиджах; система родства архаической и классической Греции не предоставляет такой основы для политической структуры, будучи, скорее, фрагментарной и ядерной, чем иерархичной. Экономика раннего государства характеризуется системой редистрибуции, в экономике полиса редистрибуция имеет только второстепенную роль, здесь доминирует взаимный обмен, который перерос в рыночный обмен как внутри, так и на границах полиса (Tandy 1997; von Reden 1995). В раннем государстве неравноправные отношения между правителями и управляемыми узаконены идеологией взаимодействия (реципрокции), но материально это взаимодействие несимметрично. В греческом полисе мы сталкиваемся с

идеей политического равенства граждан и институтов, что узаконено, в целом, принимаемыми совместными ценностями. В общих чертах политическая система полиса может быть охарактеризована как гетерархичная вместо централизованной иерархичной или, скорее, последовательной, чем одновременной иерархией (Johnson 1982). Формирование полиса и формирование государства внутри полиса являются результатами корпоративных стратегий (Feinman 1995; Blanton 1998; ср. Detienne 2000), а не цепи стратегий, которые, по-видимому, приводят к формированию вожества и ранних государств (ср. van der Vliet 2000 и в печати).

Здесь заключается интересный парадокс. С одной стороны, оказывается, что чем более государство демократично, тем меньше оно способно укреплять свою власть, потому что оно сильно зависит от согласия и сотрудничества своих граждан, которые хотят быть не принуждены, но убеждены. Платон жаловался, что афинская демократия не исполняла наказания, которые выносил ее суд (Plato, *Politeia* 557E-558A). Но, с другой стороны, это также и сильная сторона гражданского государства. Сильная рука власти не простиралась дальше, чем она есть. Когда нет консенсуса, правители встречаются с пассивностью или даже оппозицией, и сотрудничество необходимо силой насаждать среди людей, которые не хотят этого. Там, где решения и нормы базируются на широком консенсусе, эффективность мер больше, даже если процесс достижения согласия был долгим и мучительным. Сотрудничество в таких случаях опирается на общепринятые социальные ценности. Как уже отмечалось, принуждение нуждается в легитимности, но оно может быть и следствием законности. Это не делает политическую силу гражданского государства античности и его государственность менее реальной. Характеристикой того, что Холкескамп (Holkeskamp) называет «Stadtstaatlichkeit» (город-государство – букв. «город-государственность»), является специфическая нормативная система, устанавливающая правила, процедуры и институты. Их сила и, в частности, степень государственности, таким образом, вытекает из того, что Холкескамп (Holkeskamp 2004: 68) обозначает как «Habitualisierung», санкция посредством и в процессе функционирования. Однако необходимы хотя бы минимальные централизации, иерархии и формализации, связанные с определенной территорией (Holkeskamp 2004: 67). Впрочем, именно в этот момент, по моему мнению, – с позволения Холкескампа – веберовский критерий легитимной монополии на принуждение имеет более решающее значение. Но, как я говорил, власть, как и легитимность, проявляется тем или иным образом.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ КОММЕНТАРИИ

Государство – это больше, чем его институты. В большей степени оно существует в том, что должностные лица обладают легитимной монополией на принуждение как орудием институционализированной

должности. Институты должны согласовываться, дополнять и поддерживать друг друга. Здесь не требуется наличие этического концепта государства в той или иной форме. В гражданских государствах античной Греции государство заключено в гражданстве и выражается идеологией гражданства, должностями, занимаемыми гражданами, и их участием в принятии решений на разных уровнях (см. недавние обсуждения у Дождева [Dozhdev 2004] – по Риму, и Гринина [Grinin 2004] – в целом и в частности по греческому полису). Гражданство формирует государство, так же, как участие в государстве определяет гражданина. Это двусторонний процесс. Типичная горизонтальная структура этих государств, являющаяся результатом динамики и взаимодействия на разных социальных уровнях. Способ построения власти формируется с сильным акцентом на политическом равноправии и участии и, таким образом, серьезно отклоняется от того пути, по которому строилось раннее государство. Но это, впрочем, не означает, что они были слабее или относительно безгосударственными. Как раз наоборот. Кроме того, мы не должны забывать, что гражданство было привилегией многих, но все-таки привилегией строго ограниченной части населения. Система институтов классических гражданских государств обеспечивала их способами стать могущественными, также и для внешнего мира. Их типичные политические структуры тем не менее скрывают многие инструменты, посредством которых эта власть управлялась и могла быть управляемой. Целью данной статьи было подчеркнуть эти аспекты.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Впервые опубликовано в журнале *Social Evolution & History*, сентябрь 2005, т. 4, № 2, с. 120–150 на английском языке под названием «Polis. The Problem of Statehood». Перевод выполнен по указанному изданию.

¹ Ср. Vincent 1987: Государство – это комплекс идей и ценностей, некоторые из которых выражаются в реальных институтах.

² Но Винсент также говорит о государствах, начиная только с XVI века.

³ Krader 1968: vii: «Это не единственный политический институт, так как есть другие способы управления обществом, кроме средств государства».

⁴ Характеристику греческих полисов как городов-государств см. в: Runciman 1990: 348; Hansen 1993b, 2000; Morris 1991: 26 и 48; о городах-государствах см.: Burke 1986.

⁵ Так, одно и то же государство может быть сильным в одном аспекте и слабым в другом, в зависимости от его истории и традиций.

ЛИТЕРАТУРА

Abélès, M. 1996. State. In Barnard, A., and Spencer, J. (eds.), *Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology* (pp. 527–530). London and New York: Routledge.

Berent, M. 1996. Hobbes and the 'Greek Tongues'. *History of Political Thought* 17: 36–59.

2000a. Anthropology and the Classics: War, Violence and the Stateless Polis. *Classical Quarterly*, N.S. 50: 257–289.

2000b. The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Community. In Kradin, N. N., et al. (eds.), *Alternatives of Social Evolution* (pp. 225–240). Vladivostok: FEB RAS.

2004. Greece: The Stateless Polis (11th–4th Centuries B.C.). In Grinin et al. 2004: 364–387.

Blanton, R. E. 1998. Beyond Centralization. Steps Toward a Theory of Egalitarian Behavior in Archaic States. In Feinman and Marcus 1998: 135–172.

Brock, R., and Hodkinson, S. (eds.) 2000. *Alternatives to Athens. Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford: Oxford University Press.

Burke, P. 1986. City-States. In Hall, J. A. (ed.), *States in History* (pp. 137–153). Oxford: Blackwell.

Claessen, H. J. M. 1978. The Early State: A Structural Approach. In Claessen and Skalnik 1978: 533–596.

Claessen, H. J. M., and Skalnik, P. (eds.) 1978. *The Early State*. The Hague: Mouton.

Cornell, T. J. 1995. *The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 B.C.)*. London and New York: Routledge.

Crumley, C. L. 1995. Building a Historical Ecology of Gaulish Polities. In Arnold, B., and Gibson, D. B. (eds.), *Celtic Chieftdom, Celtic State. The Evolution of Complex Social Systems in Prehistoric Europe* (pp. 26–33). Cambridge: Cambridge University Press.

Détienne, M. 2000. From Practices of Assembly to the Forms of Politics: A Comparative Approach. *Arion* III, 7 (3): 1–19.

Dozhdev, D. V. 2004. Rome: Socio-political Evolution in the 8th–2nd Centuries B.C. In Grinin et al. 2004: 388–418.

Drummond, A. 1989a. Rome in the Fifth Century I: the Social and Economic Framework. In *The Cambridge Ancient History* VIII, 2 (pp. 113–171). 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

1989b. Rome in the Fifth Century II: the Citizen Community. In *The Cambridge Ancient History* VIII, 2 (pp. 172–242). 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

Easton, D. 1971. *The Political System. An Inquiry into the State of Political Science*. 2nd ed. New York: Knopf.

van Effenterre, H. 1985. *La cité grecque. Dès origines à la défaite de Marathon*. Paris: Hachette.

van Effenterre, H., and Ruzé, F. 1994–1995. *Recueil d'inscriptions politiques et juridiques de l'archaïsme grecque*. 2 vols. Rome: Ecole française de Rome.

Ehrenberg, V. 1965. An Early Source of Polis Constitution. In Idem, *Polis und Imperium. Beiträge zur Alten Geschichte* (pp. 98–104). Zürich and Stuttgart: Artemis.

d'Entrèves, A. P. 1969. *The Notion of the State. An Introduction to Political Theory*. Reprinted with corrections. Oxford: Clarendon.

Feinman, G. M. 1995. The Emergence of Inequality. A Focus on Strategies and Processes. In Price, T. D., and Feinman, G. M. (eds.), *Foundations of Social Inequality* (pp. 255–279). New York and London: Plenum Press.

Feinman, G. M., and Marcus, J. (eds.) 1998. *Archaic States*. Santa Fe, N. M.: School of American Research Press.

Francis, E. D. 1990. *Image and Idea in Fifth-Century Greece. Art and Literature after the Persian Wars*. London and New York: Routledge.

Fried, M. H. 1967. *The Evolution of Political Society: an Essay in Political Anthropology*. New York: Random House.

1968. State. The Institution. *International Encyclopedia of the Social Sciences* XV: 143–150.

Friedrich, C. J. 1963. *Man and his Government: an Empirical Theory of Politics*. New York etc.: MacGraw-Hill.

1970. *Politik als Prozeß der Gemeinschaftsbildung: eine empirische Theorie*. Köln etc: Westdeutscher Verlag.

Gabrielsen, V. 1994. *Financing the Athenian Fleet. Public Taxation and Social Relations*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press.

Gehrke, H.-J. 1985. *Stasis: Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr.* München: Beck.

Glotz, G. 1958. *La cité grecque*. Paris: Albin Michel.

Grinin, L. E. 2004. Early State and Democracy. In Grinin *et al.* 2004: 419–463.

Grinin, L. E., Carneiro, R. L., Bondarenko, D. M., Kradin, N. N., and Korotayev, A. V. (eds.) 2004. *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel.

Hall, M. D. 1996. Even Dogs have Erinyes: Sanctions in Athenian Practice and Thinking. In Foxhall, L., and Lewis, D. E. (eds.), *Greek Law in its Political Settings* (pp. 73–89). Oxford: Clarendon.

Hansen, M. H. 1991. *The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes. Structures, Principles and Ideology*. Oxford and Cambridge, Mass: Blackwell.

1993. The *Polis* as a Citizen-State. In Idem (ed.), *The Ancient Greek City-State* (pp. 7–29). Copenhagen: Det Kongelige Danske Videnska-bernes Selskab.

2000. The Hellenic *Polis*. In Idem (ed.), *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures* (pp. 141–187). Copenhagen: C. A. Reitzels Forlag.

2002. Was the *Polis* a State or a Stateless Society? In Nielsen, T. H. (ed.), *Even More Studies in the Ancient Greek Polis*. Papers from the Copenhagen Polis Centre 6 (pp. 17–47). Stuttgart: Steiner.

Hoebel, E. A. 1954. *The Law of Primitive Man: a Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Hölkeskamp, K. J. 1992. Written Laws in Archaic Greece. *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 38: 87–117.

1999. *Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaische Griechenland*. Stuttgart: Steiner.

2004. *Rekonstruktionen einer Republik*. München: Oldenbourg.

Hunter, V. J. 1994. *Policing Athens. Social Control and the Attic Lawsuits, 420–323 B.C.* Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Huntington, S. P. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.

Jackman, R. W. 1993. *Power without Force: the Political Capacity of Nation-States*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Johnson, A. W., and Earle, T. 1987. *The Evolution of Human Societies: from Foraging Groups to Agrarian State*. Stanford: Stanford University Press.

- Johnson, G. A.** 1982. Organisational Structure and Scalar Stress. In Renfrew, C., Rowlands, M. J., and Seagraves, B. A. (eds.), *Theory and Explanation in Archaeology. The Southampton Conference* (pp. 389–421). New York and London: Academic Press.
- Kantorowicz, E. H.** 1957. *The King's Two Bodies: a Study in Mediaeval Political Theology*. Princeton NJ: Princeton University Press.
- Koerner, R.** 1993. *Inschriftliche Gesetzestexte der frühen griechischen Polis*. Köln: Böhlau.
- Krader, L.** 1968. *Formation of the State*. Englewood Cliff, N.J.: Prentice Hall.
- Lewellen, T. C.** 1983. *Political Anthropology: an Introduction*. South Hadley: Bergin & Garvey.
- Link, S.** 1994. *Der Kosmos Sparta. Recht und Sitte in klassischer Zeit*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Lintott, A.** 1999. *The Constitution of the Roman Republic*. Oxford: Clarendon Press.
- Marcus, J., and Feinman, G. M.** 1998. Introduction. In Feinman and Marcus 1998: 3–13.
- Meier, M.** 1998. *Aristokraten und Damoden. Untersuchungen zur inneren Entwicklung Spartas im 7. Jahrhundert v. Chr. und zur politischen Funktion der Dichtung des Tyrtaios*. Stuttgart: Steiner.
- Meiggs, R.** 1972. *The Athenian Empire*. Oxford: Clarendon.
- Meiggs, R., and Lewis, D. (eds.)** 1988. *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.* Revised ed. Oxford etc.: Clarendon Press.
- Meyer, E.** 1961. *Römischer Staat und Staatsgedanke*. 2nd ed. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Mommsen, T.** 1887. *Römisches Staatsrecht I*. 3rd ed. Leipzig: Hirzel.
- Morris, I.** 1991. The Early Polis as City and State. In Rich, J., and Wallace-Hadrill, A. (eds.), *City and Country in the Ancient World* (pp. 24–57). London and New York: Routledge.
- Osborne, R.** 1996. *Greece in the Making 1200–479 B.C.* London and New York: Routledge.
1997. Law and Laws. How Do We Join the Dots? In Mitchell, L. G., and Rhodes, P. J. (eds.), *The Development of the Polis in Archaic Greece* (pp. 74–82). London and New York: Routledge.
- Otterbein, K. F.** 1967. The Evolution of Zulu Warfare. In Bohannon, P. (ed.), *Law and Warfare. Studies in the Anthropology of Conflict* (pp. 345–357). Garden City, N.J.: The Natural History Press.
- Poggi, G.** 1990. *The State. Its Nature, Development and Prospects*. Cambridge: Polity Press.
- Popitz, H.** 1986. *Phänomene der Macht: Autorität, Herrschaft, Gewalt, Technik*. Tübingen: Mohr.
- Raaflaub, K. A.** 1997. Soldiers, Citizens and the Evolution of the Early Greek Polis. In Mitchell, L. G., and Rhodes, P. J. (eds.), *The Development of the Polis in Archaic Greece* (pp. 49–59). London and New York: Routledge.
- von Reden, S.** 1995. *Exchange in Ancient Greece*. London: Duckworth.
- Rhodes, P. J., and Lewis, D. M.** 1997. *The Decrees of the Greek States*. Oxford: Clarendon Press.
- Rhodes, P. J., and Osborne, R. (eds.)** 2003. *Greek Historical Inscriptions 404–323 B.C.* Oxford: Oxford University Press.

- Rubinstein, L.** 1998. The Athenian Political Perception of the *Idiotes*. In Cartledge, P., Millett, P., and von Reden, S. (eds.), *Kosmos. Essays in Order, Conflict and Community in Classical Athens*. (pp. 125–143). Cambridge: Cambridge University Press.
- Runciman, W. G.** 1990. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-End. In Murray, O., and Price, S. (eds.), *The Greek City. From Homer to Alexander* (pp. 347–367). Oxford: Clarendon Press.
- Service, E. R.** 1975. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. New York: Norton.
- Sickinger, J. P.** 1999. *Public Records and Archives in Classical Athens*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Singor, H. W.** 1988. *Oorsprong en betekenis van de hoplietenfalanx in het archaische Griekenland*. Thesis Leiden.
- Stewart, R.** 1998. *Public Office in Early Rome. Ritual Procedures and Political Practice*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Tandy, D. W.** 1997. *Warriors into Traders. The Rise of the Market in Early Greece*. Berkeley–Los Angeles–London: University of California Press.
- Thomas, Y.** 2002. La valeur des choses. Le droit romain hors de la religion. *Annales HSS* 57: 1431–1462.
- Tilly, C.** 1975. Reflections on the History of European State-making. In Idem (ed.), *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Titus, C. H.** 1931. A Nomenclature in Political Sciences. *American Political Science Review* 25: 45–60.
- Todd, S. C.** 1993. *The Shape of Athenian Law*. Oxford: Clarendon.
- Van Creveld, M.** 1999. *The Rise and Decline of the State*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Vincent, A.** 1987. *Theories of the State*. London: Blackwell.
- van der Vliet, E. Ch. L.** 1990. Early Rome and the Early State. In Eder, W. (ed.), *Staat und Staatlichkeit in der frühen römische Republik* (pp. 233–257). Stuttgart: Steiner.
2000. Models of Political Evolution and the Formation of the Polis. *Pharos. Journal of the Netherlands Institute in Athens* 8: 129–148.
2003. Justice and Written Laws in the Formation of the Polis. In Feldbrugge, F. J. M. (ed.), *The Law's Beginnings* (pp. 23–43). Leiden-Boston: Martinus Nijhoff.
- forthcoming. The Early Greek Polis: Regime Building, and the Emergence of the State.
- Weber, M.** 1972. *Wirtschaft und Gesellschaft*. 5th revised ed. Studienausgabe, Tübingen: Mohr.

Часть V

**Кочевые
альтернативы
и аналоги**

- Т. Дж. Барфилд
Мир кочевников-скотоводов
  - Т. Д. Холл
Монголы в мир-системной истории
  - Nikolay N. Kradin
Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе
  - Н. Н. Крадин
Кочевники, мир-империи и социальная эволюция
- Т. Д. Скрынникова
Монгольское кочевое общество периода империи

